

© 1996 г. Е.В. УРЫСОН

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ И "НАИВНАЯ" КАРТИНА МИРА*

0. В толковых словарях принято давать толкование не всем словам – некоторые снабжаются отсылкой к другому слову. Например: *прощание* – действие по значению глагола *прощаться*, *дырочка* – уменьш. к *дыра*, *фаталистка* – женск. к *фаталист*. Первое слово в такой паре рассматривается как производное, или дериват, от второго – исходного слова. Отсылку естественно интерпретировать как метку некоторого стандартного семантического преобразования: оно трансформирует значение исходного слова в значение деривата.

Принято считать, что в некоторых случаях такое семантическое преобразование затрагивает только категориальную (частеречную) семантику – тогда соответствующий дериват называется синтаксическим. Ср. определение Е. Куриловича: "Синтаксический дериват – это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией" [Курилович 1962: 61]. Синтаксическими дериватами являются, например, отглагольные существительные в следующих парах: *прощаться* – *прощание*, *преподавать* – *преподавание*, *ослабевать* – *ослабевание*.

Синтаксические дериваты неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Вызывал интерес тот факт, что слово, облекаясь в иную морфологическую (частеречную) форму, приобретает способность выступать в изначально ему не свойственных синтаксических функциях. Именно с этой точки зрения синтаксическую деривацию описывали ученые Женевской школы: Ш. Балли, а вслед за ним А. Сеше и А. Фрей представляли данный тип деривации как функциональную (синтагматическую) транспозицию, т.е. как простую мену синтаксических характеристик слова [Балли 1995; Sechehaue 1926; Frei 1929]. Аналогичным образом описывали синтаксическую деривацию Е. Курилович [Курилович 1962] и Л. Теньер (последний называл тот же круг явлений синтаксической трансляцией [Теньер 1988]). О. Есперсен, усматривая тонкое семантическое различие между исходным словом и его синтаксическим дериватом, все же формулировал это различие в чисто синтаксических терминах [Есперсен 1958]). Анализом сочетаемостных свойств этого типа производных слов ограничиваются и А.К. Жолковский и И.А. Мельчук, описавшие (в рамках модели "Смысл ↔ Текст") роль синтаксических дериватов в системе перифразирования [Мельчук 1974].

Следствием этого, чисто функционального подхода к синтаксическим дериватам был тот факт, что такие дериваты практически не рассматривались "изнутри" – не исследовалась их семантика как таковая. Анализировалось лишь соотношение грамматических категорий исходного слова и его деривата. В частности, А.М. Пешковский [Пешковский 1956] описал отражение глагольной категории вида в семантике

* Автор благодарит В.З. Санникова и, в особенности, Ю.Д. Апресяна за полезное обсуждение.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, инициативный проект 96-04-06437.

отглагольного существительного, ср. существительные из следующих пар: *прыгание* (от *прыгать*) и *прыжок* (от *прыгнуть*), *рассматривание* (от *рассматривать*) и *рассмотрение* (от *рассмотреть*). В этом же русле лежит работа Е.В. Падучевой, посвященная вопросу о сохранении таксономических категорий исходного глагола (типа "действие", "процесс", "событие") в значении отглагольного существительного [Падучева 1991].

Цель предлагаемой работы – анализ семантики некоторых русских отглагольных существительных. А именно, мы попытаемся уяснить сущность стандартного семантического преобразования, представленного в парах типа *прощаться – прощание*. Будет показано, что это семантическое преобразование затрагивает не только грамматические категории лексемы, но и ее самые глубинные пласты.

1. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ И ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ

1.1. Как известно, синтаксический дериват от некоторого слова совпадает с этим словом по смыслу, но принадлежит к иной части речи. Другими словами, в паре типа *прощаться – прощание* исходный глагол и производное существительное обозначают одну и ту же ситуацию. Стандартное преобразование, которое трансформирует семантику глагола в семантику существительного, естественно представить как замену одних грамматических категорий другими: с исходного слова "снимаются" грамматические категории глагола и на полученный внекатегориальный конструктор "надеваются" грамматические категории существительного. Никаких других семантических изменений не происходит. В частности, отглагольное существительное, подобно глаголу, может обозначать (в соответствующих контекстах) и факт, и процесс. Ср. *Я представил себе свое возвращение домой* ⇔ *Я представил себе, что (как) я возвращаюсь домой* [Падучева 1974: 201].

Оказывается, однако, что замена глагола на отглагольное существительное допустима далеко не во всех контекстах. Ср.

(1a) *Я видела, как они прощались –*

(1б) *Я видела их прощание,*

однако,

(1в) *Я слышала, как они прощались –*

(1г) **Я слышала их прощание.*

Ср. также

(2a) *Мы видели, как бомбят Грозный –*

(2б) *Мы видели бомбежку Грозного.*

однако

(2в) *Мы слышали, как бомбят Грозный –*

(2г) **Мы слышали бомбежку Грозного.*

Предложения типа (г) абсолютно неправильны, причем их аграмматичность не имеет ничего общего с той стилистической неудачностью, которая часто присуща предложениям с отглагольными существительными. Ср.

(3a) *Я видел, как они пихали друг друга –*

(3б) *?Я видел их пихание.*

(4a) *Мы видели, как (день и ночь) возводят крепостные стены –*

(4б) *?Мы видели возведение крепостных стен.*

Неудачность примеров типа (3б), (4б) легко объяснима. Дело в том, что многие отглагольные существительные (в том числе *пихание*, *возведение*) – это слова скорее потенциальные, нежели реально существующие в языке. Они не "обкатаны" в должной мере и поэтому выглядят естественно в очень ограниченном круге контекстов. (Это главным образом фазовые глаголы, которые вообще свободно

сочетаются с обозначениями процессов, ср. *Пихание кончилось (возобновилось), Возведение дамбы будет завершено к будущему году.* Это также глаголы, указывающие на длительность процесса, ср. *Пихание заняло не больше трех минут, На возведение дамбы ушло несколько лет.*) Кроме того, отглагольные существительные на *-ание, -ение* несут оттенок книжности, а это усугубляет искусственность примеров (36), (46). Однако в соответствующих – книжных – контекстах эти существительные могут быть вполне уместны. Ср. *Исследователи наблюдали пихание морских ежей в естественных условиях; Туристы с интересом наблюдали возведение пирамид, осуществляемое без помощи современных технических средств.* Подобные, стилистические аргументы не позволяют объяснить неправильность примеров (г) выше. Ср. также стилистически корявые примеры (36), (46) с абсолютно неправильными примерами (г) в следующих парах:

(3в) *Я слышал, как они пихали друг друга –*

(3г) **Я слышал их пихание.*

(4в) *Мы слышали, как (день и ночь) возводят крепостные стены –*

(4г) **Мы слышали возведение крепостных стен.*

Запрет на все эти отглагольные существительные в контексте глагола *слышать* кажется совершенно нелогичным. Е.В. Падучева называет его "капризом трансформации номинализации" [Падучева 1991: 12].

Другое дело, когда какая-либо ситуация может восприниматься только зрением, но не слухом, ср. *сверкать, развиваться, ослабевать* и т.п. Обозначения таких ситуаций нормальны в контексте глагола *видеть* и недопустимы в контексте глагола *слышать*. Но этот запрет, разумеется, не связан с тем, какой частью речи оформлено обозначение ситуации. Ср. нормальные высказывания:

(5а) *Он видел, как сверкали ее глаза –*

(5б) *Мне все-таки удалось увидеть ее смеющиеся розовые губы и веселое сверкание белых зубов* (И.А. Куприн, пример из [МАС])

и одинаково недопустимые примеры:

(5в) **Он слышал, как сверкали ее глаза.*

(5г) **Мне все-таки удалось услышать ее звонкий голос и веселое сверканье белых зубов.*

Ср. также следующие нормальные примеры:

(6а) *Он видел, как постепенно развивается мальчик –*

(6б) *Он видел постепенное развитие мальчика,*

и недопустимые высказывания:

(6в) **Он слышал, как постепенно развивается мальчик –*

(6г) **Он слышал постепенное развитие мальчика.*

Ср. также

(7а) *Я видела, как ослабевает пружина –*

(7б) *Я видела ослабевание пружины,*

и

(7в) **Я слышала, как ослабевает пружина –*

(7г) **Я слышала ослабевание пружины.*

[Отметим, что примеры типа (6в, г), (7в, г) могут оказаться вполне правильными относительно некоторой нестандартной ситуации – субъект способен воспринимать слухом такие в норме беззвучные процессы, как развитие ребенка или ослабевание пружины.]

Описываемая нами картина осложняется еще и тем, что существуют глаголы, прямо противоположные рассмотренным. Ср.

(8а) *Я видела (слышала), как она плакала –*

(8б) *Я слышала ее плач,*

однако недопустимо

(8в) *Я видела ее плач.

Ср. также

(9а) Я видел (слышал), как они хихикали (на задней парте) –

(9б) Я слышал их хихиканье,

однако нельзя

(9в) *Я видел их хихиканье.

Ср. также

(10а) Я видел (слышал), как сморкался Иван Иванович –

(10б) Я слышал чье-то сморканье,

однако нельзя

(10в) *Я видел его сморканье.

Запрет на отглагольные существительные типа *плач*, *хихиканье*, *сморканье* в контексте глагола *видеть* тоже кажется не вполне логичным – ведь соответствующие ситуации можно воспринимать и слухом, и зрением, ср. примеры (а).

Другое дело – ситуации типа *скрипеть*, *тарыхтеть*, *шуршать* и т.д.: они действительно могут восприниматься только слухом. Поэтому обозначения таких ситуаций не могут фигурировать в контексте глагола *видеть* – естественно, независимо от того, какой частью речи выражено обозначение ситуации. Ср. нормальные примеры (11а, б) и в равной мере недопустимые примеры (11в, г):

(11а) Я слышала, как скрипели колеса (как ветер шуршал листьями, как тарыхтели машины на улице).

(11б) Я слышала скрипение колес (шуршание листьев, тарыхтение машин).

(11в) *Я видела, как скрипели колеса (как ветер шуршал листьями, как тарыхтели машины на улице).

(11г) *Я видела скрипение колес (шуршание листьев, тарыхтение машин).

Попытаемся сформулировать ограничения на сочетаемость отглагольных существительных с предикатами восприятия типа *видеть* и *слышать*.

1.2. Рассматриваемые нами исходные глаголы обозначают некоторые ситуации внешнего мира, которые могут быть восприняты другим человеком, т.е. человеком, не являющимся их участником. Судя по нашему материалу, такие ситуации образуют четыре класса.

Первый, вполне очевидный класс – это ситуации излучения света, ср. *светить(ся)*, *сверкать*, *блестеть*, *блистать*, *вспыхивать*, *мерцать*, *гаснуть*, *светлеть*, *темнеть* и др. Такие ситуации могут быть восприняты только зрением.

Второй, тоже вполне очевидный класс – это "звуковые ситуации", ср. *шелестеть*, *шуршать*, *хрустеть*, *трещать*, *скрипеть*, *скрежестать*, *лязгать*, *тарыхтеть*, *гроыхать*, *грохотать*, *гудеть* и под., а также *картавить*, *шепелявить*, *присююкивать* и т.п. Такие ситуации могут быть восприняты только слухом.

Оба эти класса относительно невелики и компактны. Остальные два класса гораздо больше и неоднородней.

Третий, по-видимому, самый обширный класс составляют ситуации, которые не являются ни "световыми", ни "звуковыми". Ср. *развиваться*, *уставать*, *ослабевать*, *гнить*, *расти*, *расставаться*, *(из)меняться*, *развеваться*, *махать*, *макать*, *нести*, *качаться*, *вращать(ся)*, *кивать*, *моргать*, *щуриться*, *улыбаться*, *вздрагивать*, *ежиться*, *бледнеть*, *смотреть*, *слушать*, *спать*, *тонуть*, *висеть*, *стоять*, *сидеть*, *лечь* и др.

В значение этих предикатов не входит указание ни на свет, ни на звук. Тем не менее с точки зрения восприятия, все эти ситуации сближаются с ситуациями излучения света: их тоже можно только видеть, но не слышать. Ср. нормальные примеры (12а) и недопустимые (12б):

(12а) *Мы видели, как развевались на ветру флаги (как они махали руками, как он стоял под деревом).*

(12б) **Мы слышали, как развевались на ветру флаги (как они махали руками, как он стоял под деревом).*

При этом некоторые из таких ситуаций действительно не предполагают никаких звуков, ср. *гнить, улыбаться, щуриться, сидеть, смотреть, стоять, сидеть, лежать* и т.п. Другие ситуации в норме не сопровождаются такими звуками, которые способен воспринять обычный человек, ср. *моргать, махать, расписываться, расти, развеваться*, а также (6в, г) и (7в, г). А третьи ситуации – ср. *вращаться, качаться* – могут сопровождаться достаточно громкими звуками, однако соответствующий предикат сам по себе такого указания не содержит – его нужно выражать отдельно. Поэтому нормально

(13а) *Мы видели, как вращалось тяжелое колесо,*

(14а) *Мы видели, как качалось старое дерево,*

но сомнительно

(13б) *?Мы слышали, как вращалось тяжелое колесо*

(14б) *?Мы слышали, как качалось старое дерево,*

хотя совершенно нормально

(13в) *Мы слышали, как со скрипом вращалось тяжелое колесо,*

(14в) *Мы слышали, как, скрипя, качалось старое дерево.*

(Отметим, что фраза (13б) может быть приемлемой, но лишь во вполне определенной ситуации: когда говорящий и его адресат хорошо знают, какими звуками сопровождается вращение данного колеса.)

Ср. также ситуацию *читать (про себя vs. вслух)*:

(15а) *Я видела, как он читал газету;*

(15б) *Я слышала, как он читал детям сказку.*

Наконец, четвертый класс образуют ситуации, которые в норме (а некоторые – даже всегда) сопровождаются определенными звуками. Ср. (а) *петь, смеяться, хихикать, хохотать, плакать, всхлипывать, рыдать, кашлять, чихать, сморкаться, вздыхать* и др.; (б) *рубить, пилить, бомбить, стрелять, ходить, шагать, бежать, прыгать, стирать* и под. К этому же классу относятся акты речи, ср. *говорить, разговаривать, беседовать, умолять, ругать(ся)*, а также ситуации, предполагающие речь, ср. *приветствовать, прощаться, брататься* и др. Все эти ситуации могут быть восприняты и зрением, и слухом.

Легко видеть, что четвертый класс ситуаций разбивается на два подкласса – ср. группы (а) и (б) в приведенном выше списке, причем соответствующие предикаты различаются способом указания на звук. Действительно, в семантике предикатов группы (а) – типа *петь, смеяться, плакать, кашлять, чихать, сморкаться, вздохнуть*, а также, вероятно, *ругать(ся)* указание на звук безусловно занимает центральное место – не указав характер звука, нельзя адекватно описать соответствующую ситуацию. Для этих глаголов типична сочетаемость с наречиями, указывающими на силу и тембр звука, ср. *громко (тихо, тонко) плакать, громко (звонко, тихо) смеяться, громко (оглушительно) сморкаться, громко (сипло, хрипло) кашлять, крикливо ругаться, петь басом* и т.д. Правда, некоторые такие ситуации могут не сопровождаться никакими звуками, но это необычно, и говорящий может специально об этом сообщить, ср. *беззвучно плакать (смеяться)*.

Что касается предикатов группы (б) – типа *рубить, бегать, прощаться, стирать* – то, по-видимому, в их значении указание на звук отсутствует. Правда, ситуации типа *прощаться, брататься* обычно включают в себя речевой акт, т.е. говорение, речь, следовательно – определенные звуки. Ситуация типа *рубить* предполагает удар одного твердого предмета о другой, а контакт такого рода обычно сопровождается

особым звуком (ср. звук удара). Аналогичным образом, ситуации типа *бегать*, *прыгать*, *шагать* предполагают кратковременный контакт ступней субъекта с поверхностью земли, а такой контакт в норме тоже сопровождается определенными звуками. Ситуация *стирать* предполагает плеск воды и т.п.

Однако эти сведения о звуках не являются частью семантики слова – это знание реалий, знание того, какими бывают вещи и ситуации вокруг нас. Иными словами, это так называемые энциклопедические знания о мире. Они вряд ли фиксируются в языке как таковом (т.е. в значении слов данного языка и его грамматических категорий), но, тем не менее, являются общими для всех носителей данного языка (и, по-видимому, усваиваются очень рано, одновременно с языком).

Тем самым, предикаты группы (а) сами по себе не указывают на звук (это, между прочим, обуславливает запрет на сочетания типа **громко рубить*, **громко бегать* (*прыгать*, *процашся*)). Но описываемые этими предикатами ситуации часто (или обычно) сопровождаются определенными звуками, и мы знаем это по опыту, т.е. постольку, поскольку живем в этом мире.

С точки зрения лексической семантики предикаты группы (а) принципиально отличаются от предикатов группы (б). Однако с точки зрения "наивной" картины мира и те и другие попадают в один класс – они обозначают зрительно-слуховые ситуации.

Отметим, что зрительно-слуховые предикаты типа (а) и (б) могут различаться и в контексте глагола *слышать*. Если в семантике предиката имеется указание на звук – ср. *петь*, *смеяться*, *плакать*, – то в контексте глагола *слышать* он может обозначать и процесс, и факт. Ср.

(16а) Я слышал, как она пела <смеялась, плакала> (процесс)

и

(16б) Я слышал, что она пела <смеялась, плакала> (факт).

Если же сведения о звуке являются энциклопедическими, то в контексте глагола *слышать* (в данном его значении) соответствующий предикат, как правило, может обозначать только процесс. Ср.

(17а) Я слышала, как они прощались у вагона <рубили лес, бомбили Грозный> (процесс).

Действительно, в высказываниях типа

(17б) Я слышала, что они прощались у вагона <рубили лес, бомбили Грозный>

глагол *слышать* указывает, скорее, не на восприятие как таковое, а на "знание по слухам".

С точки зрения поведения в контексте глагола *слышать*, предикаты типа *петь*, *смеяться*, *плакать* сближаются с предикатами, обозначающими "слуховые" ситуации, типа *скрипеть*, *тарыхтеть*. Ср. Я слышала, как <что> скрипят несмазанные колеса (восприятие слухом). А ситуации типа *рубить*, *бомбить*, *процашся* близки к зрительным ситуациям типа *рассматривать*, *ослабевать*, ср. Я слышала, что они рассматривали <что она очень ослабела> (знание "по слухам").

1.3. Выделенные четыре класса ситуаций внешнего мира, а именно: ситуации световые (ср. *сиять*, *светиться*); звуковые (ср. *шуршать*, *тарыхтеть*); не сопровождающиеся ни светом, ни звуком (ср. *стоять*, *махать*); и сопровождающиеся определенными звуками (ср. *петь*, *рубить*) – естественным образом группируются в три типа с точки зрения восприятия их человеком. Это ситуации зрительные (ср. первый и третий классы), слуховые (ср. второй класс) и зрительно-слуховые (ср. четвертый класс). Эти типы не являются языковыми (в собственном смысле этого слова): вряд ли в значение слов *качаться*, *стирать* или *моргать* входит указание на то, каким образом воспринимается данная ситуация. Мы сталкиваемся здесь с "энциклопедическими" типами ситуаций – они фиксируются не в толковании слов, т.е. не в лексической семантике, а в "наивной энциклопедии".

Оказывается, что "наивная энциклопедия" теснейшим образом связана с языком –

она не только так или иначе отражается в лексической семантике, но и вторгается в область чисто языковых правил – без нее не удастся описать, в частности, некоторые правила сочетаемости (ср. примеры (16) – (17)), а также правила деривации, о которых речь пойдет ниже.

Сейчас отметим, что деление ситуаций на эти три типа при всей его очевидности отражает все же не действительность как таковую, а определенное преломление ее в "наивной" картине мира.

Действительно, некоторые предикаты, хотя и обозначают звуковые ситуации (т.е. указывают в первую очередь на звук), все же тяготеют к зрительно-слуховому классу. Ср. *ругаться*, *ворчать*, а также *щебетать*, *пищать*, *чирикать*, *каркать*, *кудахтать*, *кукарекать*, *крякать*, *мычать*, *блеять* и др., *сопеть*, *хрипеть*, *хрепеть*, *чавкать*, *топать*, *стонать* и под. Так, вполне допустимо

(18) *Я видела, как они ругались.*

(19) *Я вижу, как она ходит и ворчит на него.*

(20) *Я видела, как вы шумели без учителя.*

В разговорной речи возможно даже

(21) *Я видела, как она ворчит на него (как он чавкал пирогом, как он захрипел, как во дворе мычала корова).* Высказывания типа (21) производят впечатление небрежных, но все же их аномальность гораздо меньше, нежели следующих, абсолютно недопустимых примеров:

(22) **Я вижу, как едет и скрипит телега.*

(23) **Я вижу, как шуршат опавшие листья.*

Дело в том, ситуация *ворчать* (на кого-л.) предполагает определенное выражение лица субъекта, ситуация *чавкать* предполагает, что субъект энергично жует, т.е. двигает челюстями, а когда корова мычит, она особым образом вытягивает шею. Этих, в сущности, очень небольших указаний на внешний вид может оказаться достаточно для того, чтобы ситуация "сдвинулась" в сторону зрительно-слухового класса.

Было бы именно такого преломления действительности в "наивной" картине мира (т.е. отнесение ситуации к зрительно-слуховому или зрительному классу), имеет, разумеется, внилингвистическую основу. В этом преломлении отражается безусловное доминирование зрения над всеми остальными органами чувств человека.

Действительно, самую главную, самую большую по объему информацию о внешнем мире человек получает благодаря зрению: мы в первую очередь видим окружающий нас мир и лишь во вторую очередь воспринимаем его ушами. Зрительная информация представляется наиболее полной и точной (ср. в связи с этим поговорку *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*). Если некоторая ситуация может быть воспринята и зрением, и слухом, то высказывания типа *Я видел, как Р (Я видел, как бомбили Грозный)*, предполагают, как нечто само собой разумеющееся, что субъект, скорее всего, воспринимал данную ситуацию также и слухом. А в высказываниях типа *Я слышал, как Р (Я слышал, как бомбили Грозный)* имеется в виду, что субъект воспринимал ситуацию только слухом, но не зрением. Тем самым, высказывания типа *Я видел, как Р* информативнее высказываний типа *Я слышал, как Р*¹.

Доминирование зрения над слухом отражается не только в "наивной энциклопедии", но и непосредственно в лексической семантике – при отборе компонентов, формирующих значение слова как таковое. Действительно, ситуации, которые достаточно

¹ Превосходство зрения над слухом отражается в разных точках лексической системы языка; см. об этом в работе [Апресян 1995], содержащей обзор "модели человека". Добавим, что хотя глаголы *видеть* и *слышать* оба развивают значение знания (а глагол *видеть* еще и понимания), но это знание – разное: глагол *слышать*, в отличие от *видеть*, указывает на знание лишь недостоверной информации, "слухов". Ср. *Теперь я вижу, что был неправ; Я не вижу выхода из этого тупика и Я слышала, что наш сад вырубили*.

часто сопровождаются звуками – ср. *вращаться, качаться, читать*, теоретически вполне могли бы иметь соответствующее указание в толковании, но этого не происходит.

1.4. Перейдем теперь непосредственно к деривации. Если глагол обозначает зрительную или слуховую ситуацию, то соответствующее отглагольное существительное ведет себя совершенно тривиальным образом: оно может выступать либо только в контексте предиката *видеть*, ср. группы примеров (5) – (7), либо только в контексте предиката *слышать*, ср. группу примеров (11).

Что касается зрительно-слуховых ситуаций, то с точки зрения деривации одни из них ведут себя как зрительные, а другие – как слуховые. Зрительными становятся предикаты, в семантике которых указание на звук отсутствует (оно зафиксировано не в значении слова, а в "наивной энциклопедии"), ср. *процаться, бомбить, рубить* (это подкласс (б) четвертого класса); ср. группы примеров (1) – (4). Как слуховые ведут себя предикаты, в семантике которых указание на звук есть, ср. *петь, смеяться, плакать* (т.е. подкласс (б) четвертого класса); ср. примеры (8) – (10).

Иными словами, при деривации происходит некоторое упрощение классификации предикатов. Чем это можно объяснить?

1.5. Синтаксическая деривация – это своего рода подделывание обозначений, принадлежащих к одной части речи, под обозначения из другого грамматического класса. В нашем случае обозначение процесса подделывается под обозначение предмета, вещи². Это заключается, прежде всего, в смене грамматических категорий слова. Но может быть, это подстраивание включает в себя и какие-то другие аспекты?

Ядром, центральной частью того класса слов, который называется "имя существительное", являются названия обычных, материальных предметов, "вещей", ср. *человек, рука, птица, дерево, вода, хлеб* и т.п.³ Но такие материальные предметы человек в норме воспринимает прежде всего зрением, ср. *Вижу человека, руку, птицу, дерево, воду, хлеб*. Многие из таких предметов человек может также осязать, а иногда – обонять и даже ощущать на вкус. Ср. *ощупывать дерево, нюхать цветок, пробовать воду на вкус*. Но может ли человек воспринимать предметы слухом?

На первый взгляд кажется, что да – некоторые предметы человек может не только видеть, но и слышать. Ср.

(23) *Мы услышали пастуший рожок.*

(24) *Мы слушали скрипку (гитару, флейту, рояль).*

Однако в таких примерах существительные *рожок, скрипка, гитара, флейта, рояль* и т.д. выступают в ином значении, нежели в случаях типа

(25) *В музее мы видели пастуший рожок.*

(26) *В первый раз вижу такую скрипку (такую гитару, такую флейту, такой рояль).*

Действительно, в примерах (23), (24) существительные *рожок, флейта, рояль, скрипка, гитара* обозначают предметы, а в примерах (25), (26) те же слова имеют метонимическое значение и обозначают звуки этих предметов. Этим примеры (23) – (26) принципиально отличаются от высказываний с глаголами типа *Мы видели*

² Ср., например, следующее высказывание А.М. Пешковского: "в с е непредметное может быть в языке при помощи определенных грамматических средств [т.е. с помощью категории существительного – Е.У.] о п р е д м е ч е н о" [Пешковский 1956: 73]. Ср. также мысль В.В. Виноградова о том, что существительное является "средством опредмечивания разнообразных понятий и представлений" [Виноградов 1972: 46].

³ Существительные могут обозначать достаточно разные объекты. Как и в случае ситуаций, сосредоточимся на тех объектах (внешнего мира), которые может воспринимать человек (таким образом, мы не рассматриваем здесь существительные – обозначения мыслей, чувств и т.п.).

(*слышали*), как они *прощались* (*смеялись*) – глаголы *смеяться*, *прощаться* выступают здесь в одном и том же значении. Тем самым, ситуацию можно, вообще говоря, и *видеть*, и *слышать*, а вещи можно только *видеть*: слышим мы звуки.

С точки зрения русской наивной картины мира предметы как таковые не звучат: они статичны и "безмолвны". Для того чтобы они зазвучали, требуется действие, движение: один предмет должен удариться о другой, струна должна начать колебаться, человек – говорить и т.п. Однако идея действия, движения выражается глаголом, и обозначение действия может быть лишь добавлено к обозначению предмета, "вещи".

Тем самым, с точки зрения восприятия предметы, "вещи" образуют всего один, зрительный класс (в него, кстати говоря, попадает и существительное *свет*, а также другие обозначения света и существительные типа *цвет*, *форма*, *размер*). Вещам противопоставляются звуки, ср. *щебет*, *свист*, *шорох*, *скрип*, *хруст*, *гул*, *гуд*, *дробь* (*барабана*) и т.п. Они образуют "слуховой" класс. Никаких сущностей, которые можно было бы воспринимать и зрением, и слухом, существительные не обозначают⁴. Таким образом, в "русской наивной энциклопедии" существительные делятся всего на два класса.

Четкость границы между зрительными и слуховыми классами обеспечивается, между прочим, и лексической семантикой: метонимия 'предмет' – 'звук этого предмета' лишь намечена в системе языка. Соответствующие переносные значения могут выступать только в контексте предикатов (*услышать*, *слушать*, ср. примеры (23), (24), а также допустимые высказывания *Мы услышали скрипку* (*гитару*, *рояль*). В других контекстах, характерных для обозначений звуков, эти слова не выступают. Ср. разговорные или очень сомнительные примеры типа *Из открытых окон слышалась скрипка*, *Из-за стены доносилась гитара*, *До нашего слуха долетела флейта*, *Нашего слуха коснулся рояль* (*пастуший рожок*). Во всех этих примерах желательно или даже обязательно эксплицитное указание на звук, ср. безупречные примеры *Из открытых окон слышались* (*неслись*) *звуки скрипки*, *Из-за стены доносились звуки гитары*, *До нашего слуха долетели звуки флейты*, *Нашего слуха коснулись звуки рояля* (*пастушьего рожка*)⁵.

Отметим, что противопоставление "вещей" и звуков отражается в синонимии имен: некоторые (квази)синонимичные существительные различаются указанием на наличие/отсутствие звука – следовательно, отнесением обозначаемой сущности к разным "энциклопедическим классам" с точки зрения характера ее восприятия. Ср. *плач* – *слезы* (последняя лексема представлена в высказываниях типа *Его потрясли ее слезы*, *Ее слезы действуют тебе на нервы*, разг. *Прекрати слезы*). Лексема *плач* указывает на звук – и, следовательно – на слуховое восприятие ситуации; а лексема *слезы* – на внешний вид плачущего – и, тем самым, – на зрительное восприятие той же ситуации. Поэтому нормально: *услышать* (*ее*) *плач*, *вид* (*ее*) *слез*, но недопустимо **увидеть* (*ее*) *плач*, **услышать* *ее слезы*. Ср. также синонимы *походка* – *поступь*. Первое существительное указывает на внешний вид движения (тем самым – на зрительное восприятие ситуации), а второе – на сопровождающие это движение звуки (следовательно – на слуховое восприятие ситуации). Ср. *любоваться* (*ее*) *походкой*, но *услышать* (*ее*) *поступь*; *плавная походка*, но *мерная поступь*.

Итак, существительные бывают только двух типов – зрительного и слухового (мы

⁴ Этому как будто противоречат примеры типа *видеть текст* (*стихи, речь*) vs. *слышать текст* (*стихи, речь*). Однако глагол *видеть* обозначает здесь не зрительное восприятие, как таковое, а чтение, т.е. особое интеллектуальное действие.

⁵ К приведенным примерам можно добавить еще такие высказывания (допустимые в разговорной речи): *Мы услышали телефон* (*собаку, поезд*). Ср., однако недопустимые примеры **Из соседней квартиры доносился телефон*, **Из-за забора доносилась собака* (нужно *собачий лай*).

сейчас абстрагируемся от существительных типа *запах, вкус, тепло, холод* и т.д.). При синтаксической деривации предикат из смешанного, зрительно-слухового глагольного типа может попасть лишь в один из этих типов существительного⁶. Тем самым, смена категориальной семантики предполагает не только замену одних грамматических категорий другими, но и изменение некоей "энциклопедической" характеристики слова с точки зрения восприятия обозначаемой им сущности.

Мы выяснили природу запрета на сочетания типа **(у)слышать бомбежку (процание), *(увидеть пение (плач))*. Отметим, что подделывание обозначения процесса под обозначение вещи объясняет и некоторые другие факты, описанные Е.В. Падучевой – а именно, сочетаемость отглагольных дериватов с кванторами: ср. *всякая бомбежка, третья бомбежка, некоторые переезды, какой-нибудь переезд* и т.п. [Падучева 1991: 23]. В данном случае отглагольные дериваты тоже выступают как обозначения обычных (притом исчисляемых) "вещей".

Приведенные факты свидетельствуют о том, что синтаксическая деривация – это не просто номинализация, а скрытая перестройка лексемы в духе другой части речи. Как отразить изменения, сопутствующие деривации, в словаре?

В соответствии с лексикографической традицией, мы считаем, что синтаксические дериваты не могут толковаться в собственном смысле этого слова. Действительно, было бы самым естественным толковать дериват через исходное слово, отдельно указывая при этом изменение его частеречной семантики. Однако категориальная семантика в принципе не может быть объектом толкования – она не вербализуема и входит как составная часть в значение любого семантического примитива. Следовательно, категориальная семантика является семантическим кварком (понятие семантического кварка введено Ю.Д. Апресяном [Апресян 1994]). Представить семантический кварк можно лишь "условной формулой", условным знаком. Ср. формулу "действие по значению глагола", принятую в толковых словарях для представления отглагольных существительных, или символ лексической функции S_0 [Мельчук 1974]. Отсылка к исходному слову в лексикографическом описании деривата – это символ того кварка, на который меняется семантика исходного слова в результате деривации (а не только метка деривации).

Что касается характеристики (не толкования!) категориальной семантики (например, перечня свойств семантических или "энциклопедических" классов той или иной части речи), то их (так же как и правила изменения категориальной семантики) естественно фиксировать в отдельном описании – в "грамматике словаря". Характеристика этого компонента лексического описания выходит далеко за рамки предлагаемой работы. Сейчас сосредоточимся на одном, частном вопросе, связанном с изменением "энциклопедического класса" слова при деривации.

II. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ СИСТЕМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА

II.1. "Подделывание" обозначения из одного грамматического класса под обозначение из другого класса может повлечь за собой достаточно серьезные семантические изменения слова. Эти изменения могут иметь индивидуальный характер и затрагивать отдельные лексемы. Ср. *хохотать* и *хохот*: хохотать может любой человек (в том числе – младенец), а лексема *хохот* предполагает только взрослого субъекта (возможно, в силу того, что акцентирует громкий звук). Ср. также *плакать* и *плач*:

⁶ Нам известен лишь один случай, когда существительное, соотносимое с глаголом, обозначает (в данном своем значении) сущность, которую можно воспринять и зрением, и слухом. Ср. *Мы услышали взрыв* и *Мы видели взрыв атомной бомбы*; при этом недопустимо **Мы видели взрыв дома (бомбы)*. Но такая контекстная избирательность свидетельствует о том, что сочетание *взрыв атомной бомбы* имеет тенденцию к фразеологизации, становится устойчивым.

лексема *плач*, в отличие от *плакать*, предполагает наблюдателя (не совпадающего с говорящим), поэтому сомнительно ⁷*Они слышат мой плач*, хотя совершенно нормально *Я плачу*⁷.

Однако подобные изменения могут носить и вполне системный характер, распространяясь на достаточно большие классы слов. Покажем это на примере одного класса отглагольных существительных.

Сосредоточимся на дериватах типа *щебетанье, пищанье, скрипенье, визжание, пение, плач, смех*, т.е. на отглагольных существительных, попадающих в класс существительных, обозначающих звуки.

Для того чтобы разобраться в их специфике, рассмотрим пары существительных *щебет – щебетанье, писк – пищанье, шелест – шелестенье, скрип – скрипенье* в контексте их словообразовательных гнезд⁸.

Первое, неизпроизводное существительное в паре обозначает только звук, а второе, отглагольное, может обозначать ситуацию. Ср. *Пищанье (щебетанье) отняло у птенцов последние силы, Вся жизнь ушла на шелестение бумагами*. Ср. сомнительные (непонятные) высказывания ⁹*Писк (щебет) отнял у птенцов последние силы, ⁹Вся жизнь ушла на шелест бумагами*. Это различие между существительными внутри пар хорошо согласуется с предложенным выше описанием отглагольных существительных.

Но отглагольное существительное может обозначать и звук как таковой. Ср. *Среди монотонного жужжания пчел слышалось щебетанье дроздов, овсянок, яблчиков* (Н. Успенский, [МАС]), *[Мотыльки] влетали в окна и с беспокойным шелестением надоедливо носились по комнате* (В. Ажаев, [МАС]). Тем самым, семантика отглагольных существительных как бы состоит из двух частей: одна часть совпадает (с точностью до категориальной семантики) со значением исходного глагола, а вторая часть – это указание на звук, и она совпадает со значением неизпроизводного существительного (если таковое имеется) из данного словообразовательного гнезда. Таково следствие изменения категориальной семантики слова, точнее того, что обозначение ситуации при деривации попало в класс обозначений звуков.

Предлагаем следующую схему толкования отглагольного существительного: '*S₀(P)* или такой-то звук'. Первый компонент этой схемы подробно охарактеризован выше. Сосредоточимся на компоненте 'такой-то звук'.

Если в словообразовательном гнезде есть неизпроизводное существительное (ср. *скрип – скрипеть – скрипение*), то оно и занимает второе место в предлагаемой схеме. Например: *скрипение* = '*S₀* (скрипеть) или скрип'. Если неизпроизводного существительного нет (ср. ? – *шуршать – шуршание*), то нужно описать соответствующий звук в толковании⁹. Пример: *шуршание* = '*S₀* (шуршать) или тихий

⁷ См. наше описание синонимических рядов *смех, хохот, хихиканье, смешок* и *плач, рыдание, рев, слезы* в [Нов. син. сл. 1995; 1996].

⁸ Максимально полными словообразовательными гнездами данного типа являются гнезда, содержащие четыре компонента: междометия – неизпроизводное существительное – глагол – отглагольное существительное; ср. *пи-пи-пи – писк – пищать – пищание; скрип*¹ (ср. *Скрип-скрип-скрип – скрипят старые половицы*) – *скрип*² (ср. *Что за странный скрип?*) – *скрипеть – скрипение; хрусть – хруст – хрустеть – хрустение* и т.п. Таких, максимально полных гнезд довольно мало. Гораздо чаще встречаются гнезда с тем или иным дефектом. Перечислим типы дефектности: а) отсутствие междометия, ср. *шелест – шелестить – шелестение, щебет – щебетать – щебетанье*; б) отсутствие первого существительного, ср. *кукареку – кукарекать – кукареканье, кудах-тах-тах – кудахтать – кудахтанье*; в) отсутствие глагола и – как следствие – отглагольного существительного; этот дефект сопровождается и отсутствием междометия, ср. *шорох, гул*. Возможна также комбинация дефектов (а) и (б) – отсутствие междометия и первого существительного; ср. *тарыхтеть – тарыхтение, шуршать – шуршание*.

⁹ Ср. задачу толкования неизпроизводных существительных типа *скрип, шорох*.

шум, какой бывает, когда сухие опавшие листья трутся друг о друга¹⁰.

Вообще говоря, в рассматриваемых нами случаях можно было бы усматривать полисемию типа 'ситуация' – 'компонент ситуации'. Именно такое решение, правда, непоследовательно, принято в Словаре Ушакова (ср. толкование слова *скрипение*). Однако такой подход кажется нам антиинтуитивным: слишком близки друг другу соответствующие две части толкования. Действительно, выделенные потенциальные значения слова состоят из одних и тех же семантических блоков 'ситуация' и 'звук', и, следовательно, все различие между ними сводится к семантическим акцентам, к тому, какой именно блок выбран в качестве вершинного. По-видимому, для разделения значений внутри слова такого различия недостаточно: лексемы должны отличаться друг от друга семантическими компонентами.

Итак, лексемы типа *скрипение*, *шуршание* имеют дизъюнктивно-организованное значение. В некоторых контекстах реализуется ровно одна, причем четко указываемая часть этого значения. Так, в контекстах, указывающих на звук, реализуется вторая часть схемы; ср. *Мы услышали щебетанье птиц. До нас донеслось жужжание пчел* и т.п. В контекстах, указывающих на занятие субъекта реализуется первая часть схемы (указание на ситуацию); ср. *Пищанье (щебетанье) отняло у птенцов последние силы. Вся жизнь ушла на шелестенье бумагами*.

В остальных контекстах такой детерминированности нет. Можно говорить о реализации любой части схемы или обеих ее частей. Ср. *Щебетанье (шуршание, пищанье, визжанье) возобновилось (прекратилось)*. Кажется неестественным вводить для подобных случаев какие-то жесткие правила.

Тем самым, значение данных лексем оказывается не вполне детерминированным, не вполне определенным: в некоторых случаях может реализоваться любой (неважно – какой) из соединяемых связкой 'или' компонентов значения или оба компонента одновременно¹¹. Итак, отглагольные существительные типа *скрипение*, *шуршание*, *визжание* демонстрируют специфический тип организации лексического значения¹².

II.2. Попытаемся интерпретировать недетерминированные лексические значения с точки зрения модели И.А. Мельчука "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст" [Мельчук 1974]. Начнем с анализа.

При получении семантического представления исходной фразы происходит отождествление каждой словоформы фразы с какой-либо лексической единицей словаря и замена словоформы на толкование соответствующей лексемы. Поскольку толкование лексемы с недетерминированным значением состоит из двух частей, то требуется правило выбора той или иной его части. В некоторых строго оговоренных контекстах выбирается одна, четко указанная часть толкования. В остальных

¹⁰ Обозначения звуков – это те слова, которые очень естественно толковать остенсивно, т.е. просто предъявляя соответствующий звук. Остенсивное толкование, однако, не отменяет обычного, словесного толкования, т.к. только последнее вскрывает связи данного слова с другими лексемами языка, эксплицирует место данного слова в лексической системе. Обозначения звуков типа *писк*, *щебет*, *шелест*, *визг*, *скрип* мы предлагаем толковать по следующей схеме: 'звук с такими-то характеристиками, какой бывает в такой-то ситуации'. Например: *щебет* = 'приятные звонкие мелодичные обычно негромкие звуки, какие издают при пении некоторые небольшие птицы'. Обратим внимание на сходство этой схемы со схемой толкования слов со значением чувства, предложенной А. Вежицкой [Wierzbicka 1969; 1972; 1992]; см. также [Иорданская 1970]. В частности, компонент 'какой' указывает на то, что соответствующий звук может сопровождать и другую ситуацию; ср. *Вместо членораздельной речи синтезатор выдавал писк и щебет*.

¹¹ Подчеркнем, что идею такой неопределенности выражает именно русский союз *или* в его центральном значении. Ср. толкование этого союза, данное В.З. Санниковым: *Х или Y* = 'возможно X, возможно Y' (приводится здесь с некоторым упрощением; подробнее см. [Санников 1989: 104]).

¹² Такую же организацию значения имеют и лексемы, описанные нами в Урысон 1995. В этой работе мы называли данный тип организации значения диффузным. Этот термин, однако, использовал Д.Н. Шмелев для описания другого явления – а именно, промежуточных значений многозначного слова [Шмелев 1973].

контекстах выбирается любая часть толкования или обе части (в последнем случае связка 'или' заменяется на 'и').

Для описания синтеза удобно принять расщепление семантического уровня на два подуровня – глубинно-семантический и поверхностно-семантический [Апресян 1980]. При переходе к поверхностно-семантическому уровню, происходит "оформление" смысла по правилам данного языка: смысл подстраивается под словарь и под грамматику языка (например, достраиваются смыслы граммем, относящихся к обязательным грамматическим категориям). Затем оформленный смысл отождествляется с какой-либо лексической единицей, которая и выбирается из словаря при словесном оформлении семантического представления. В некоторых контекстах тот фрагмент смысла, который соответствует лишь одной части недетерминированного значения лексемы, не претерпевает никаких изменений. Он отождествляется с данной лексемой (достаточно совпадения с одной частью ее значения), которая и выбирается из словаря. В других контекстах язык предоставляет при синтезе свободу: этот же фрагмент может быть обогащен, дополнен второй частью толкования. Однако такое обогащение семантики факультативно.

Выводы. Мы легко представляем себе некий идеальный язык, в котором предикаты и термы обозначаются разными частями речи (глаголами и существительными соответственно). Реальный естественный язык кажется бесконечно далеким от такого состояния. Тем не менее в нем неожиданно обнаруживаются некоторые следы этой "идеальной грамматики". Описывая синтаксическую деривацию типа *процаться* – *процание*, исследователь сталкивается с фактами, которые естественно объясняются в терминах "прототипических", идеальных частей речи: прототипический глагол обозначает ситуацию, а прототипическое существительное – вещь (а также его характеристику, ср. *цвет, форма*) или свет (ср. существительное *свет*).

Прототипические части речи разбиваются на классы с точки зрения того, каким образом воспринимает человек данную сущность. При этом рассматриваемые нами части речи располагают своими наборами таких классов. Причина этого в том, что человек воспринимает ситуации, вообще говоря, не так, как вещи. В этом пункте описания мы сталкиваемся с принципом антропоцентричности естественного языка: естественный язык представляет мир как бы специально ориентированным на воспринимающего субъекта¹³.

Информация о характере восприятия той или иной сущности является частью наивной картины мира. Существенно, что данный фрагмент наивной картины мира фиксируется не в грамматике и даже не в лексической семантике, а в "наивной энциклопедии", т.е. в энциклопедических сведениях о нашем мире, которые (так же как и сам язык) являются общими для всех носителей данного языка.

Синтаксическая деривация предполагает не только смену грамматических категорий данного слова, но и переход его из одного содержательного, "энциклопедического" класса в другой. Такая смена класса может повлечь за собой глубинные изменения семантики слова. В частности, одним из следствий деривации является не вполне детерминированное значение некоторых отглагольных существительных.

Правила деривации, которые, на первый взгляд, представляются чисто языковыми, даже грамматическими, оказываются связанными с чем-то, что лежит, вообще говоря, за пределами языка как такового, т.е. не входит ни в грамматику, ни в лексическую семантику. Это "наивная энциклопедия", т.е. общие для всех говорящих на данном языке элементарные сведения о нашем мире.

¹³ В последнее время принцип антропоцентричности был продемонстрирован на массовом материале А. Вежбицкой [Wierzbicka 1969; 1972; 1992].

- Апресян Ю.Д. 1980 – Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "СМЫСЛ ⇔ ТЕКСТ" // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 1. Wien, 1980.
- Апресян Ю.Д. 1994 – О языке толкований и семантических примитивах // ИАН СЛЯ. 1994. № 4.
- Балли Ш. 1995 – Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1995.
- Виноградов В.В. 1972 – Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Есперсен О. 1958 – Философия грамматики. М., 1958.
- Иорданская Л.Н. 1970 – Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1972. Вып. 16.
- Курилович Е. 1962 – Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- МАС – Толковый словарь русского языка. 1–4. М., 1985–1990.
- Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ⇔ Текст". М., 1974.
- Нов. син. сл. 1995 – Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: проспект / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. М., 1995.
- Нов. син. сл. 1996 – Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: I вып. / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. М., 1995.
- Падучева Е.В. 1974 – О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- Падучева Е.В. 1991 – Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // Научно-техническая информатика, сер. 2. 1991, № 5.
- Пешковский А.М. 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Санников В.З. 1989 – Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.
- Словарь Ушакова – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. ТТ. 1–4. М., 1935–1940.
- Теньер Л. 1988 – Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Урысон Е.В. 1995 – Фундаментальные способности человека и наивная "анатомия" // ВЯ. 1995. № 3.
- Шмелев Д.Н. 1973 – Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
- Frei H. 1929 – La grammaire des fautes. P., 1929.
- Sechehaye A. 1926 – Essai sur la structure logique de la phrase. P., 1926.
- Wierzbicka A. 1969 – Dociekania semantyczne. Wrocław: Warszawa; Kraków, 1969.
- Wierzbicka A. 1972 – Semantic primitives. Frankfurt-am-Main, 1972.
- Wierzbicka A. 1992 – Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. N.Y.: Oxford, 1992.